

УДК 94(476)«18/19»

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ ДВОРЯНСКОГО ВОСПИТАНИЯ
НА БЕЛОРУССКОМ ПОДВИНЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ М. МАРКСА)

И.В. ГОЛУБЕВА

Полоцкий государственный университет

Рассмотрен один из важных аспектов дворянской культуры. Основой стали мемуары Максимилиана Маркса «Записки старика». Развитие личности – процесс многогранный. В него органично вплетены задачи подготовки ее в плане личной, семейной и социальной жизни. Автор приходит к выводу, что среди последних центральное место занимает семья, в которой формируются базисные черты характера будущего гражданина и семьянина. Исторически сложившаяся картина обыденной жизни дворянских детей позволяет выявить различные составляющие детства, не ограничиваясь описанием и анализом только воспитательно-образовательного процесса. Сделан анализ традиций дворянского воспитания на Белорусском Подвинье в первой половине XIX в. и влияния изменений в жизни белорусского дворянства после включения в новое государство – Российскую империю.

Актуальность данной темы определяется её теснейшей связью с современностью. Исследовательское внимание историков к различным проблемам дворянского образования связано с интересом исторической науки к изучению элит различных обществ. Высокий уровень культуры, присущий привилегированному сословию, заставляет задуматься о механизмах его поддержания и передачи следующим поколениям дворян. Исследовать и понять принципы работы этого механизма можно с помощью изучения традиций дворянского воспитания на Белорусском Подвинье в первой половине XIX в. Источником изучения являются мемуары Максимилиана Маркса «Записки старика» [2]. Таким образом, цель данной работы – изучить традиции дворянского воспитания на Белорусском Подвинье в 1-й половине XIX в.

Под термином «дворянство» будем понимать высшее привилегированное сословие в Российской империи до 1917 г. Основой политического и экономического могущества дворянства были земельные владения. Права дворянства были закреплены в Жалованной грамоте дворянству 1785 г., в соответствии с которой оно пользовалось определенным самоуправлением через Дворянские депутатские собрания, вносилось в родословные книги. В Великом княжестве Литовском аналогичное положение занимала шляхта, которая после присоединения Речи Посполитой получила права российского дворянства. В конце XVIII – первой половине XIX века состав белорусского дворянства значительно пополнился за счет русских дворян, которые для увеличения «влияния русского элемента» получали на Беларуси большие земельные владения с крепостными крестьянами [1, с. 215].

Раздзяляе М. Маркс дворян на землях былой Речи Посполитой на две группы: «Дворяне, большею частью помещики, делились на две секции: польскую – преимущественно католическую, и русскую – большею частью православную. К первой, многочисленной, принадлежали потомки прежних землевладельцев с польскими фамилиями, языком и образом жизни. Все они были завзятые монархисты, приверженцы последнего короля и преданны душою Тарговицкой конфедерации. Все они притом же были (за небольшим исключением воспитанников Виленского университета, и то, большею частью медиков) учениками иезуитов, которые не могли простить Польше свое изгнание из пределов ее и лишение огромнейших поместий, перешедших в ведение Эдукационной комиссии. Русская секция политиков состояла из владельцев королевских и порадзивилловских имений, жалованных им после первого раздела Польши. Здесь были и коренные великорусы (Мордвинов), и малороссы (Энько, прозванный в шутку отцом всех хохлов), и сербы (Щерба, Зорич), и чехи с немецкими прозвищами, и настоящие немцы (Грейфенфельд, Аш), и, наконец, греки (Зарояни, Алексияно – архипелажский корсар, родом из Мальорки). Все они по большей части блистали, как говорится, своим отсутствием, редко навещая свои поместья и останавливаясь в городе (Витебске – авт.) только проездом» [2].

Максимилиан Маркс родился в семье подпоручика войска Царства Польского [3]. Родным было с детства все, что связано с Речью Посполитой. Для мемуаров автора характерной является универсальная психологическая альтернатива «мы – они», «свой – чужой»: мы – все, что связано с жизнью в Речи Посполитой, они – все, что пришло с Российской империей. Например, одной из таких параллелей является сравнение униатской и православной церквей: «Униатские священники не беспокоили помещиков никакими требованиями. Являлись только к ним с поздравлениями на Пасху, на Рождество, в день именин и выканючивали себе таким образом как-нибудь подаяние. Они довольствовались хижинкой при церкви и небольшим огородишком при хижинке. Не то было с наехавшими из России священниками. Они стали требовать себе руги, полей, лугов и приличных, да и со службами еще домов. Морщились помещики, а должны были удовлетворять их требования» [2].

Еще одной яркой параллелью «мы – они» является описание занятия благотворительностью высшим сословием. С большой теплотой мемуарист описывает благотворительную деятельность госпожи Пестель, показывая в противовес «благотворительный женский комитет», который возглавляла жена губернатора. «Ее [госпожи Пестель] челолюбие и сострадательность, кажется, были без пределов. Каждый в несчастье мог обратиться к ней с просьбою о помощи и, наверное, не оставался без утешения и возможного пособия. Во всех школах (даже в еврейской) было по несколько сирот, мальчиков и девочек, на ее содержании. Благотворительность ее отыскала нуждающихся и страдающих в городе и его окрестностях, и целое утро, до полудня, она была только и занята приемом просителей, являющихся лично и обращающихся к ней письменно. ... Надобно знать, что в Витебске был благотворительный женский комитет под председательство ее сиятельства княгини генерал-губернаторши, и чуть ли не ежедневно по вечерам у генерал-губернатора была игра в карты в пользу этого комитета. Но только весь

комитет-то состоял из княгини-председательницы, жены управляющего канцелярией генерал-губернатора и третьей какой-то дамы, живущей в Петербурге и не посещавшей никогда Витебска. Понятно, что собираемые в этот несчастный комитет деньги исчезали как-то бесследно и ни один бедный не получил из него ни копейки» [2].

Эталоном образованности и воспитанности для М. Маркса были преподаватели Виленского университета: «Профессора считали себя за призванных и назначенных развивать и совершенствовать будущее поколение и смотрели на свое звание не как на средство жизни, а тем более наживы, а как на непреложный долг и на конечную обязанность своего назначения. Довольно назвать братьев Снядецких, Лелевеля, Словацкого, а за ними десятки других, чтобы убедиться в этом. ... И выходили же тогда из университета учителя, каких после не было видно, какихи теперь нет. Они-то заставили примерами и советами всю школьную молодежь в округе предаться науке и стремиться к умственному развитию. Писали и сочиняли все мальчуганы, и каждый ученик, не ниже третьего класса, вылезал уже из кожи вон, чтобы только обратить внимание на свое произведение» [2].

В противовес прошлой жизни в сфере образования он указывает изменения, которые произошли в 1830-е годы, после ликвидации униатства: «Администрация и судопроизводство подчинились общему своду законов, а учебный Виленский округ был переименован в Белорусский с место пребыванием попечителя в Витебске. Учителя были почти все переменены вновь приехавшими из Московского университета и из Петербургского педагогического института. В числе первых резко выдались пред прочими братья Чистяковы, Василий и Михаил Борисовичи, как честные люди и опытные педагоги. Они только и были достойными преемниками своих предшественников и нисколько не походили потом на присылаемых обрусителей» [2].

Характерной чертой воспитания детей дворян для польской секции было чувство патриотизма. Одним из ярких воспоминаний детства М.Маркса была трехдневная понижида по Т. Костюшко, устроенная с разрешения правительства кондитером Чаплинским, бывшим косинером. Т. Костюшко воспринимался как герой их былой державы – Речи Посполитой. В «Витебской главе» он описывает восстание шляхты 1830 г. и дает объяснение отсутствию поддержки со стороны белорусских крестьян как во время восстания 1830 г., так и в 1863 – 1864 гг. «Между тем, в конце 30 года вспыхнуло восстание в Варшаве, и полки один за другим потянулись чрез Витебск на запад. Генерал-губернатор кн. Хованский издал прокламацию к жителям Витебской и Могилевской губернии. В ней, между прочим, было сказано, что эти жители всегда были преданы России и верно служили ей, и потому он надеется, что они окажутся теперь и пребудут впредь такими же. Трудно определить, сколько правды было в этих словах и сколько проку в этих надеждах. Солидарности-то между помещиками польского происхождения и белорусскими крестьянами не было никакой, и последним жутко было жить на свете в настоящую минуту. Как и прежде при польском правлении Конституция 3 мая их не коснулась, и они про нее не слыхали, но жалованные русские помещики и их управляющие довели крепостное право до *nes plus ultra* (до крайних пределов (лат.)), до таких пределов, про какие полякам прежде и не снилось. ... В 1863 году правительство могло прочно надеяться

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый да 1917 г.

на поддержку крестьян. Введение инвентарей, а еще более объявление об освобождении от крепостной зависимости привлекло их на сторону России. Притом же в 30 году поляки не пели гимнов, и слово ojczyznę нельзя было изменить в pańszczyznę. А и это немало значит» [2].

М. Маркс в своей работе дает объяснение изменения в структуре привелигированного сословия с включением земель Речи Посполитой в состав Российской империи: «Явились паны новой категории – доробковичи (из прислуги магнатов и крестившихся евреев), нажившие per fas et nefas (правдами и неправдами (лат.)) денежку и под покровительством одной из борющихся партий закупившие земли у разорившихся панов. Эти доробковичи составляли настоящую язву шляхетства, которое, хотя и с пренебрежением сторонило[сь] от них, но не имело никакой возможности контролировать их поступки и обуздывать их своеволия. В таком виде Белорусия перешла под владычество России, и вся шляхта вместе с доробковичами переименовалась в дворян. ... Часть панов эмигрировала, а остаток их с доробковичами, число которых еще более увеличилось, составил класс дворян-землевладельцев или помещиков» [2].

Автор подчеркивал, что: «В прежней Польше военное или рыцарское сословие обязано было защищать всех прочих жителей страны от нападений неприязненных соседей, составляя высшую касту в народе под именем шляхты. Оно владело и землями, оно управляло государством посредством сеймов, без соизволения которых королевская воля не имела никакого значения. Шляхта эта очень дорожила своим званием, сопряженным с огромнейшими привилегиями, и гордилась им, но гордилась не на бумаге, а на деле. Шляхта, обязанная по первому призыву сейма являться с оружием в руках на боевом коне под знамя своего округа, очень хорошо знала своих собратьев, знала их способности, их заслуги, их происхождение, службу их предков и родство с другими семействами, не внося этого в официальные акты» [2]

В «Записках старика» М.Маркс описывает категорию бедного дворянства: «Какие не на есть, то роброны века Людовика XIV, то короткорукавые декольте времен революции. Замужние являлись и в чепчиках, большей частью чудной какой-то вавилонской архитектуры. Между собою говорили все они по-белорусски, только каждый хозяин звался пан, хозяйка – пани, сыновья их были паничи, а дочери – паненки. Все они хотели говорить по-польски, но это им окончательно не удавалось. Они думали, что белорусское слово, произнесенное в нос с прибавкою звука ж после р делается польским, и потому «pies siedzi na progu» выговаривали «пенс сендзи на пржогу». Между ними много брюнеток и даже встречаются горбоносенькие. Они пололи в огородах, ходили с граблями на сенокосы и жали в полях, как и крестьянки. Последнюю работу совершали однако же в нитяных или шерстяных перчаточках. Отправляясь, напр[имер], к обедне в ближайший костел, они шли всю дорогу босиком и только подходя к селу или городу, надевали чулки и башмаки и подпоясывались белым коленкоровым передничком. При встрече со знакомыми они низко приседали, и горожане звали их за то panienki fartuszkowe. Хотя они постоянно почти ходили босиком, а все-таки легко было заметить у них haut-pied, тогда как у всех крестьянок без исключения plat-pied (высокий каблук, обувь без каблука (фр.))» [2].

В вопросе воспитания шляхетских детей дворян-дворобковичей необходимо отметить большое влияние народных традиций, в отличие от средней и богатой шляхты. Дети мелкой шляхты были знакомы с сельскохозяйственными работами. С трех лет шляхтичу доверяли пасти гусей, с пяти – свиней. Народные знания, связанные с метеорологией и агрономией, входили в круг «домашнего воспитания» небогатого шляхтича. Шляхте не были чужими народные традиции и обряды [4, с. 70].

Для детей среднего и богатого дворянства характерным было образование на дому. «Его [Федора Грибачёва – авт.] приглашали репетировать уроки гимназистами в другие дома. Полковник Мезенцев и заведующий дворцом генерал-губернатора Волков испросил у Карташевского дозволения ему заниматься и с их детьми» [2].

Далее дети среднего и богатого дворянства поступали в учебные заведения. В самом Витебске среди учебных заведений был иезуитский коллегиум, который упразднили в 1820 г. Высшее учебное заведение - Виленский университет. «Невольно вспомнишь Виленский университет и при каждом воспоминании о нем невольно же и вздохнешь. ... Каждый студент должен быть тоже деятельным, и самый инертный, неподвижный, и даже неодаренный от природы способностями должен был при усидчивом труде и неусыпной умственной работе, хоть выбиваясь из последних сил, тянуться за передовыми скакунами. Вся университетская молодежь сомкнулась в кружки и общества с предначертанными и ясно сознанными целями, а чистая нравственность была общим идеалом всех» [2].

Автор-мемуарист высоко ценил себя-ребенка как свидетеля исторических событий и на страницах своих воспоминаний уделял значительное место, тщательно воспроизводя подробности своих повседневных детских впечатлений. Ребёнок, ставший свидетелем исторического события и пережив его на повседневном уровне, запоминал его на всю жизнь, и его дальнейшее формирование шло под влиянием увиденного. Например, дети, пережившие межнациональный конфликт, выносили во взрослую жизнь ощущение несогласия с существующим порядком вещей и желанием его изменить, даже идя против устоев своего сословия. «Я видел, как одна мать прорвала цепь конвоя и схватила свое детище. Солдаты немилосердно били ее прикладами, и она лишилась чувств, но так крепко ухватилась за плечо ребенка, что не скоро и с большим трудом могли разнять ее сжатую пясть. Жиденок визжал от страха и от боли, вся рука его вздулась и побагровела, а на плече видны были темно-синие следы пальцев. Не знаю, как подействовало на других это бесплатное драматическое представление, данное генерал-губернатором кн. Хованским и режиссером правителем его канцелярии Глушковым, но я с тех пор начал впадать в какое-то тетаническое состояние при каждом отчаянном крике или стоне женщины» [2].

Таким образом, заложенные в семье традиции дворянского воспитания становились основой для формирования личности. На создание мемуаров и отображение событий оказали влияние избирательность памяти, моральные и общественно-политические взгляды М. Маркса. Для мемуаров автора характерной является универсальная психологическая альтернатива «мы – они», «свой – чужой»: мы – все, что связано с жизнью в Речи Посполитой, они – все, что пришло с Российской империей. Характерной чертой дво-

Гісторыя і краязнаўства рэгіёна і сумежных тэрыторый да 1917 г.

рянскаго воспитания стал патриотизм, дети проходили процесс национальной самоидентификации. Политические изменения, которые проходили на землях бывшей Речи Посполитой, нашли свое отражение на страницах мемуаров: закрытие Виленского университета – образовательного центра, изгнание иезуитов из Витебска, насаждение русской администрации и учителей-«обрусителей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Каханоўскі, А. Дваранства / А. Каханоўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. ; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.] ; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996. – Т. 3 : Гімназіі – Кадэнцыя. – С. 215–216.
2. Маркс, М. Записки старика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ujk.edu.pl/nprh3/wp-content/uploads/2017/11/Materiały-źródłowe-Pamiętnik-Maksymiliana-Marksa-z-lat-1821-1888.pdf>. – Дата доступа: 04.03.2018.
3. Маркс, Максимилиан Осипович [Электронный ресурс] // Витебская энциклопедия. – Режим доступа: http://www.evitebsk.com/wiki/Маркс,_Максимилиан_Осипович. – Дата доступа: 04.03.2018.
4. Шыдлоўскі, С.А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі : 1795-1864 гг. / С.А. Шыдлоўскі. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 168 с.

TO THE QUESTION OF THE TRADITIONS OF THE YEAR'S EDUCATION ON THE BELARUS SUBSIDENCE IN THE FIRST HALF OF THE 19 TH CENTURY (ON THE MATERIALS OF M. MARX)

I. GOLUBEVA

The article deals with one of the important aspects of the culture of the nobility. The research is based on the memoirs "The Notes of the Old Man" by Maximilian Marx. Personality development is a multifaceted process, it includes the tasks of personal preparing for private, family and social life. The author has concluded that the family is considered to be the specific centre where the basic features of the character of the future citizen and family man are formed. The historically established picture of the everyday life of the noble children makes it possible to identify the various components of childhood, but not to limit to the description and analysis of the educational process. The researcher has analyzed the traditions of the education of the nobility in Belarusian Podvinje in the first half of the XIXth century and their impact of the changes in the life of the Belarusian nobility after inclusion in the new state – the Russian Empire.